

Ли Жуань и дальше держал того смертного в пещере.

Рано утром по лесу мелькала проворная фигурка. Ли Жуань прыгнул с ветки, резко взмахнул хвостом по кроне, усыпанной плодами, и приземлился точно и легко.

Плоды посыпались на землю.

На земле было расстелено шелковое полотно. Ли Жуань наклонил голову и стал собирать плоды один за другим, складывая их в ткань.

Эту ткань он оторвал от одежды того смертного — материал индиго с вышитыми облачными узорами. Любой знающий человек сразу бы понял, что это — драгоценный подарок из Западных регионов, присланный ко двору в прошлом году. В столице таких тканей было всего несколько.

А теперь эта роскошь служила Ли Жуаню в качестве мешка для фруктов.

Уложив всё, Ли Жуань взялся за два конца ткани, пытаясь завязать узел на узелке.

Делать это в человеческом облике — проще простого, но лапами лисы... совсем не то. Он вертел и крутил, то хватал один конец, другой выскользывал, и узел никак не завязывался.

Ли Жуань возился очень долго, но так и не справился, лишь разозлил себя.

Он сел на землю, схватил один из плодов и сердито начал его грызть.

Хотя Ли Жуань и не очень любил смертных, нужно признать — быть человеком куда удобнее, чем быть лисой.

Лисой быть сплошное неудобство.

— Ли Жуань, что ты делаешь?

Тоненький птичий голос прозвучал над головой. Ли Жуань узнал его и оглянулся.

На верхушке дерева сидела синица, глядя на него чёрными, как чечевица, глазками.

— Почему ты ещё здесь? — спросил её Ли Жуань.

Зима на горе Чанмин очень сурова. Немногочисленную пищу быстро занимают более сильные

звери и оборотни, а слабым птицам приходится улетать на юг.

Хотя эта синица и обладала духовным сознанием, она обычно мигрировала вместе со всеми.

— В этом году не улетаю! — синица подпрыгнула два раза на ветке, хвостик вздёрнулся, и в голосе слышалась радость.

Ли Жуань лишь протянул:

— О.

И, доев плод, снова взялся за свою узелковую возню.

Синица спланировала вниз и приземлилась рядом:

— Ты что, не спросишь, почему я не улетела?

Ли Жуань поднял на неё подозрительный взгляд:

— Это твоё дело. С чего бы мне спрашивать?

— Ты... — глаза синицы расширились, будто она смертельно обиделась. Она глубоко вдохнула, встряхнула перья и буркнула:

— Ладно! Ты же глупая лиса. Не буду с тобой разговаривать.

Ли Жуань не любил, когда его называют глупым, но только взмахнул хвостом и промолчал.

Эта синица обрела духовное сознание случайно более двадцати лет назад — Ли Жуань знал об этом.

Поскольку сам Ли Жуань умеет вызывать Небесную Молнию, все духи и демоны в горах либо боятся, либо ненавидят его. За триста лет жизни на горе Чанмин мало какие звери осмеливались к нему приближаться.

Только эта синица.

Хотя при каждом её появлении было шумно, по крайней мере, была с кем поговорить.

К тому же синица всё время называла его глупым, а сама была самой глупой.

Прошло более двадцати лет, а её практика совершенно не продвинулась — она по-прежнему могла лишь понимать человеческую речь, но говорить сама так и не научилась.

Гораздо хуже него.

Подумав об этом, Ли Жуань немного повеселел.

Он снова взялся за ткань, пытаясь завязать узел. Синица посмотрела-посмотрела, а потом подошла и клювом прижала уголок, который всё время норовил распастись. С её помощью Ли Жуань наконец завязал свой узелок.

Он дал синице несколько плодов в благодарность, повесил пакетик на шею и повернулся обратно к пещере.

Синица счастливо клюнула плоды пару раз, и только после этого вспомнила, что прилетела к Ли Жуаню по важному делу.

Обернувшись, она увидела, что Ли Жуань уже далеко ускакал, и поспешно вспорхнула за ним:

— Ли Жуань! Ли Жуань, подожди меня! Почему ты так быстро бежишь?!

Ли Жуань игнорировал её и не останавливался.

В конце концов, он совсем не обычная лиса, и синице трудно догнать его на полной скорости. Только почти добравшись до входа в пещеру, Ли Жуань наконец остановился.

Синица явно не ожидала такого резкого торможения и не успела затормозить — перекувырнулась несколько раз по траве и впечаталась в пенёк.

Ли Жуань: —...

Он спросил её:

— Зачем ты всё время за мной летишь?

Синица сползла на землю, её красивые перья растрепались, а на голове застряла травинка.

Две её крошечные лапки дрожали, и голос звучал очень обиженно:

— Я... я хотела кое-что тебе сказать.

Ли Жуань не стал отвечать, а обернулся к пещере позади.

До того, как его отбросило назад в лисий облик, он был полностью поглощён практикой и совсем не заботился о пещере, из-за чего у входа разрослось множество сорняков и лиан. Заросли плотно закрывали вход, и вокруг стояла тишина — не было слышно ни малейшего движения.

Ли Жуань вернулся сюда, конечно же, чтобы покормить того смертного, которого он поселил в пещере.

С момента, как тот поселился у него, прошло уже четыре или пять дней.

Восстановление смертных намного слабее, чем у оборотней, и даже спустя несколько дней ему всё ещё было трудно стоять и ходить.

Ли Жуань понимал, что поторопить это нельзя — ему оставалось лишь ежедневно приносить еду и заботиться о нём.

Он уже ждал его полмесяца, так что несколько дней роли не играют.

Ли Жуань вовсе не хотел возиться с синицей, но та гналась за ним и так громко щебетала, будто хотела привлечь внимание всего леса.

Когда он утром уходил, смертный ещё спал — неизвестно, проснулся ли он сейчас. Было бы плохо, если бы его разбудили.

Больным нужно больше отдыхать, нельзя их тревожить.

Убедившись, что в пещере тихо, Ли Жуань облегчённо вздохнул и сказал:

— Говори, что случилось.

— Я видела людей на той стороне горы! — выпалила синица. — Много людей!

Цзян Шэнь на самом деле проснулся очень рано.

Он привык спать чутко, а уж в таком незнакомом месте — тем более.

Он проснулся почти сразу, как только маленькая лиса выбралась утром наружу.

После пробуждения он не сидел без дела.

Сначала сменил повязки, затем умылся чистой водой.

— Маленькая лиса действительно умница. Зная, что держать воду в пещере неудобно, она нашла несколько толстых пней, выдолбила в них углубления и сделала простейшие деревянные бочонки, чтобы приносить воду каждый день.

Травы, которые она находила, тоже были необыкновенно эффективны: все поверхностные раны зажили быстро, и от более лёгких даже не осталось шрамов.

Это благодаря тому, что на горе Чанмин очень густая духовная энергия — деревья, цветы и травы пропитаны ею, поэтому их действие намного сильнее обычных целебных растений.

Внутренние же травмы так просто не заживут.

Он упал со скалы, сломал ногу, повредил мышцы и кости — полностью это не восстановится за два-три месяца.

Цзян Шэнь взглянул на свою правую ногу, зафиксированную ветками и лианами, и тихо вздохнул.

Если так пойдёт дальше, неизвестно, когда он сможет выбраться с горы Чанмин.

С того охалка веток, которую когда-то принёс лисёнок, осталась ещё пара крепких — Цзян Шэнь выбрал одну и использовал как опору. Он ухватился за неё обеими руками, перенёс тяжесть на здоровую ногу и медленно поднялся.

Обычные движения сейчас давались ему с огромным трудом. Лоб сурово нахмурился, губы побледнели.

После серьёзной травмы двигаться много нельзя, но если просто лежать десять или двадцать дней, потом восстановиться будет ещё труднее — мышцы просто ослабнут.

Цзян Шэнь несёт слишком большую ответственность, он не может себе позволить такое бездействие.

Он пролежал уже несколько дней — самое время попробовать встать и немного пройтись.

Разумеется, двигаться нужно, но без перегибов.

На границе он видел слишком много солдат, которые так и не восстановили прежнюю форму из-за неправильной реабилитации после ранений.

Такого он себе позволить не мог.

Цзян Шэнь осторожно размял повреждённые места, затем начал медленно ходить.

Он двигался очень медленно, каждый шаг требовал короткого отдыха. Пещера была небольшой, но от самого её конца до большого камня у входа он добирался долго.

Он сел на этот камень.

Когда он очнулся в тот день, маленькая лиса именно тут пряталась, но плохо спрятала хвост — и он сразу её увидел.

Глупышка.

Вспоминая этого маленького зверя, бледные губы Цзян Шэня чуть дрогнули.

За последние дни, благодаря пище и лекарственным травам, которые тот носил ему, он смог удержаться на грани жизни.

Похоже, слухи в народе о том, что все демоны питаются человеческой жизненной силой, — лишь преувеличения.

В этом мире есть и такие добрые существа, как маленькая лиса.

Цзян Шэнь достаточно отдохнул и уже собирался встать, как вдруг услышал голоса снаружи.

Голоса были глухими, слов разобрать было трудно.

Но... почему-то знакомыми.

Лоб Цзян Шэня медленно нахмурился.

— Ты говоришь, на той стороне горы много трупов? — Ли Жуань удивлённо наострил уши, затем понизил голос. — Совсем нет живых?

— Нет, — покачала головой синица. — Эти люди там уже несколько дней. Просто же несколько дней назад шёл снег, он всё завалил. Я только сегодня увидела их, когда снег подтаял.

— Ох... — протянул Ли Жуань.

Уши у него поникли.

Сначала он даже слегка обрадовался, когда услышал, что в горах появились другие смертные.

В конце концов, ему нужен всего лишь один смертный как печь для своей практики. Тот, что в пещере, требует времени, чтобы подготовить. А если бы удалось найти ещё парочку живых прямо сейчас — это было бы просто замечательно.

Жаль, что все они мертвы.

— Но это тоже хорошая новость, — синица запрыгала по пеньку, слегка стукнула Ли Жуаня кончиком крыла по плечу, словно утешая. — Гора Чанмин столько лет никого из смертных не видела, а теперь это хотя бы доказывает, что сюда кто-то заходил. Значит, в будущем живые тоже будут.

Живые...

Ли Жуань снова обернулся к пещере.

Синица последовала его взгляду, потом посмотрела на узелок у него на шее — и вдруг всё поняла:

— Так ты уже поймал одного смертного?!

— Я не ловил, — ответил Ли Жуань. — Он сам упал у входа в мою пещеру.

— Вот почему ты все эти дни не караулил на горной тропе! — синица хлопнула крыльями. — Так вот что значит "ждать дар небес". Люди и правда иногда падают с неба!

Ли Жуань прижал узелок к груди и ничего не ответил.

— Тогда чего ты грустишь? — спросила синица. — Этот смертный... он что, отказывается от двойной культивации?

— Он ещё не знает, что я оставил его ради двойной культивации, — признался Ли Жуань, явственно обеспокоенный. — И к тому же он тяжело ранен. Так невозможно.

— Это печально, — серьёзно согласилась синица.

Два маленьких существа — одно больше, другое меньше — сидели рядом и одновременно тяжело вздыхали.

— Кстати, я ещё кое-что нашла.

Синица вдруг вспомнила, наклонила голову, пошарила под самыми густыми перьями на крыле и вытащила тонкую железную пластинку.

Пластинка была размером с большой палец взрослого человека, тонкая и лёгкая, с выгравированным узором, который они не могли понять, и с красной верёвочкой на одном конце.

Синица положила железку перед Ли Жуанем:

— Ты, может быть, и не поверишь, но я специально сорвала её с шеи тех людей, и...

Синица была явно в восторге, её хвостовые перья задрались высоко:

— Ты совсем во мне не сомневаешься!

Ли Жуань не очень понимал, чему она так радуется.

— Потому что ты не умеешь мне врать, — сказал он. — Если бы хотела обмануть, сказала бы, что на той стороне горы нашли много живых людей, а не трупы.

Куча мёртвых тел никак не заинтересует его — смысла в такой лжи нет.

Ли Жуань очень серьёзно объяснил, но синицу ответ не волновал. Она весело дёргала хвостовыми перьями, дважды обошла Ли Жуаня кругом, и даже радостно зачирикала.

Ли Жуань действительно не понимал таких существ, как птицы.

Но эта синица обрела сознание всего двадцать с лишним лет назад. По меркам оборотней — ей тех же двадцать лет, а значит, она ещё совсем ребёнок.

Не стоит к ней придираться.

Ли Жуань перестал обращать на неё внимание, опустил голову и лапками подвинул к себе маленькую железную пластинку.

— Что это?

— Я знаю, что это.

Глубокий голос внезапно прозвучал у них за спиной. Ли Жуань так испугался, что вся шерсть на хвосте встала дыбом; синица тоже вспорхнула с пронзительным писком и взлетела на дерево.

Из пещеры показалась ветка, отодвинула в сторону закрывавшие вход лианы.

Цзян Шэнь взглянул на пушистый комок, который стал ещё объёмнее из-за взъерошенного меха, и, слегка нахмурившись, сказал:

— Дашь мне посмотреть?

<http://bllate.org/book/14444/1277224>